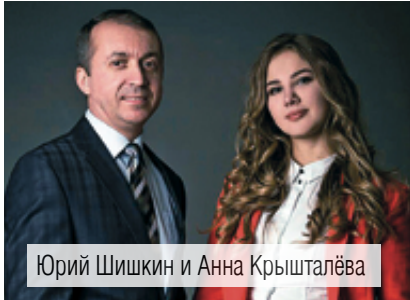

Концерты

На высоте вдохновения

Магнитогорцам предстоит встреча с мировыми знаменитостями – Юрием Шишкиным, которого называют «первым баяном России», и его не менее талантливой ученицей – аккордеонисткой Анной Крышталёвой. Их концертная программа (6+) включает произведения отечественных и зарубежных композиторов.

Юрий Шишкин и Анна Крышталёва

По словам баяниста-виртуоза из Гамбурга Вальдемара Гуди, искусство Юрия Шишкина – «это синтез страсти, беспредельного технического совершенства, эмоционального магнетизма и искренности! За-

мыслы своих интерпретаций он черпает из той высоты вдохновения, где покоится музыка и где рождается сама красота». Широчайшая исполнительская палитра позволяет ему играть весь мировой музыкальный репертуар и совершать невиданные для баяна открытия. Музыкант удостоен звания почётного профессора Харьковской и Шанхайской консерваторий. Он успешно гастролирует по России и выступает на самых престижных концертных площадках мира.

Концерт украсит ученица Юрия Шишкина Анна Крышталёва, которая, в отличие от наставника, приедет в Магнитогорск впервые. Анна – аккордеонист с мировым именем, абсолютный победитель конкурса «21 трофей Португалии», обладатель Гран-при конкурса «Акордеон плюс». На её сольном концерте в Португалии зал в восхищении встал. Знаменитый французский композитор Франк Анжелис посвятил Анне Крышталёвой одно из своих лучших произведений.

Концерт Юрия Шишкина и Анны Крышталёвой состоится в среду 20 декабря в 18.30 в Большом зале Магнитогорской государственной консерватории имени М. И. Глинки. Ведущая концерта – Елена Масычева.

Сцена

Оперетта на лезвии ножа

Провинция – единственное место подлинного чувства, убеждён Сергей Шалагин

Под занавес первого фестиваля «Виват, оперетта!», прошедшего в Магнитогорске, представляем вниманию читателей интервью с художественным руководителем театра «Петербургская оперетта», заслуженным артистом России Сергеем Шалагиным. Беседа получилась интересной и поучительной.

Двадцать с лишним лет Сергей Шалагин служил в престижном Санкт-Петербургском театре музыкальной комедии, исполнял в спектаклях ведущие роли и мог бы по сей день наслаждаться спокойствием. Но – наступил «...кризис во взаимоотношениях артиста и воплощении жанра, которого от тебя требуют».

– Всё, что происходит в современном театре, подвержено дикой коррозии, – начинаем разговор за час до программы «Десять оперетт», сотканной из лучших сцен и арий творений Кальмана, Легара, Александрова, Гладкова... – Оперетта как жанр пограничный изначально вынуждена балансировать на лезвии ножа, не опускаясь до пошлости и тру-ля-ля. Поэтому обращаться с ней нужно тонко – только тогда она ответит взаимностью. Сегодня же в театрах, за редким исключением, эпоха воинствующих рас皮аренных дилетантов, предлагающих вопиющую пошлость и бездарность, но на красивом блюдецке. Я не против восприятия художника, фантазия большого профессионала – это бриллиант, рождающий новые тенденции. Мне довелось учиться у великого режиссёра Бориса Александровича Покровского, и это пожизненная прививка от пошлости. Но и безумная тяжесть, потому что всегда равняешься на заданную мастером планку. А взамен предлагают жвачку и мерзость, да ещё в жанре, который я обожаю. Наконец, настал предел терпению. Впрочем, мне повезло: друг просто так дал денег на спектакль, который хотел поставить на сцене театра музкомедии, тем самым, по сути, подарив его. Это породило смуту: все шептались – мол, пятая колонна, театр в театре, пошла интриги, которым я чужд категорически. Так друг, дав денег, сам о том не подозревая, встал у истоков нового театра. Тот самый спектакль – «Собака на сене» – стал его началом и до сих пор в репертуаре.

– То есть в пору, когда всем государственным театрам вечно не хватает денег, вы замахнулись на театр коммерческий, прекрасно понимая, что господдержки не будет.

– Да, и существуем в такой форме уже 15 лет, хотя сытой жизнью это назвать, конечно, нельзя. У меня уникальный коллектив – это спецназ оперетты. Как верблюды, таскаем на себе реквизит, девочки отпаривают костюмы, мальчики развешивают декорации, все терпят мои крики и после жутких переездов выходят играть. Сейчас у нас полуторамесячный гастрольный тур: Сургут, Нижневартовск, Магнитогорск, Курган, Тюмень, другие города. Возвращаемся домой, а через несколько дней Прибалтика.

– В провинции аншлаги?

– По-разному.

– То есть правду говорят: не строят в провинции театры, потому что никому они там не нужны.

– Бред. Вот Рубцовск – богом забытое место на границе Казахстана и Алтая. Но театр они обхаживают, как пасхальное яйцо: из дома несут половички и собирают по два аншлага подряд. В расфуфыренном родном мне Красноярске снобизм: зачем нам твоя оперетта, мы лучше в Милан слетаем. Провинция – единственное место подлинного чувства, я в этом убежден. Мы играем

Сергей Шалагин, заслуженный артист России, руководитель театра «Петербургская оперетта»

Евгений Рухмалёв

на сценах огромных театров Казани, Алма-Аты, Москвы, Питера... Но ездим и в небольшие городки, где собираются истинные ценители искусства. Потому и держимся: у нас есть свой зритель от Калининграда до Камчатки.

– «Собака на сене», «Обыкновенное чудо» и прочие спектакли – зачем было переносить на сцену оперетты советские фильмы?

– Моя покойная жена Светлана, режиссёр, мечтала поставить «Собаку на сене» как дипломный спектакль со мной в роли Теодоро. Знакомая со студенчества с Геннадием Гладковым, поехала к нему, и он напел ей на касету все музыкальные номера, этот раритет до сих пор у меня хранится. У Гладкова «Собака на сене» – полноценная трёхактная оперетта, в которой музыки гораздо больше, чем в фильме. В пьесе блистательная драматургия – конечно, мы поставили её. Потом было «Обыкновенное чудо» – заказали Геннадию Игоревичу к пяти номерам, исполняемым в фильме, написать ещё 30 – получилась оперетта.

– Чего нет в опереттах у вас, последователя чистого искусства?

– Той самой пошлости и лжи. Вот звонят продюсеры: какая фишка у вас в спектакле? Меня разрывает от злости: какая фишка? Что вы хотите: чтобы на коньках играли, полуголые выходили на сцену? У нас на сцене ярчайшее половое воплощение: женщину любят, ей целуют руки, не рискуя попасть за это под суд. А мужчина – это не просто штаны, это отношение к женщине. Не хочу задевать «радужных» флагов, но оперетта жива, пока живы отношения женщин и мужчин. Без прикрас, хитростей прочей мишуры там показаны любовь, ревность – зритель соскучился по этому. А если это ещё и приправлено гениальной музыкой Кальмана, Легара, Штрауса... Нельзя не быть влюблённым в оперетту – она не простит. Знаком со многими народными

драматическими артистами. Разумеется, они подшучивают: у нас Шекспир, а у тебя что? Но как-то одному из них пришлось играть дуэт Пеликана и Каролины из «Мистера Икс» – не получилось. Талант, профессионализм есть, а понимания жанра нет – и всё рушится. Потому что нельзя играть оперетту как драматические артисты и петь как оперные певцы.

Надо всё делать так, как того требует оперетта: с той самой наивностью, лёгкой небрежностью, искристостью, а главное, некой иронией и самоиронией

Как любой умный человек, говоря о том, что его трогает, и рискуя впасть в некий пафос, прикрывается иронией – лишь бы она не переросла в сарказм и цинизм. И мы всегда балансируем – тем и сложен этот жанр. Не обязательно делать батман на 180 градусов – можно всего лишь поднять ножку, но сделать это изящно и легко.

– Значит, вы против того, чтобы оперные певцы пели оперетту?

– Отнюдь. Верх профессионализма – уметь всё. Настоящий певец должен петь и эстраду, и оперу, и мюзиклы – вопрос в голосе и вкусе. Тут уж всё зависит от учителя: даст он возможность полюбить Хренникова так же, как Верди, – получится разноплановый артист, который не будет заламывать рук: «Не опущусь до оперетты!» Даже великий Светланов гениально дирижировал опереттой – и не считал это ниже своего достоинства. А как поёт оперетту Доминго!

– Идите сами преподавать – учите правильно.

– Рад бы – не зовут. Да и некогда. Курс – это почти семья, а как быть с гастролями, театром?... Словом, пока работаю «в полях».

Рита Давлетшина